

Научная статья

УДК 81'373

DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-364-384

**Семантическое поле «употребление алкоголя»
в русском языке (в сопоставлении с итальянским языком)**

Мария Антоновна Савина

Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
anivas_m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4121-5633>

Аннотация

Охарактеризованы сходства семантических полей «употребление алкоголя» и описаны их различия на примере лексических парадигм «употребление алкоголя в больших количествах на протяжении длительного времени (запой)», «разрушение физическое и психологическое в результате употребления алкоголя (спиться)» и «похмелье» в русском и итальянском языках. Исследование выполнено на основе материалов Национального корпуса русского языка, портала ContextReverse произведений итальянских авторов и различных словарей. Используются методы сплошной выборки, корпусный, сопоставительный, моделирования, метод контекстуального, дефиниционного и компонентного анализа.

Ключевые слова

запой, итальянский язык, микрополе, похмелье, русский язык, семантическое поле, Сергей Довлатов, употребление алкоголя

Для цитирования

Савина М. А. Семантическое поле «употребление алкоголя» в русском языке (в сопоставлении с итальянским языком) // Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 364–384. DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-364-384

© Савина М. А., 2022

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2022. № 2. С. 364–384
Critique and Semiotics, 2022, no. 2, pp. 364–384

Semantic Field “Alcohol Use” in Russian (In Comparison with Italian)

Maria A. Savina

Novosibirsk State Pedagogical University
Novosibirsk, Russian Federation
anivas_m@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4121-5633>

Abstract

The article characterizes the similarities of the semantic fields “alcohol use” and describes their differences on the example of lexical paradigms like “drinking alcohol in large quantities for a long time (binge drinking)”, “physical and psychological destruction as a result of drinking alcohol (become an inveterate drunkard)” and “hangover” in Russian and Italian. The study is based on the materials of the National Corpus of the Russian Language, the ContextReverse portal of works by Italian authors and various dictionaries. The author used methods of continuous sampling, corpus, comparative, modeling, the method of contextual, definitional and component analysis.

Keywords

binge drinking, Italian language, microfield, hangover, Russian language, semantic field, Sergey Dovlatov, alcohol consumption

For citation

Savina M. A. Semantic Field “Alcohol Use” in Russian (In Comparison with Italian). *Critique and Semiotics*, 2022, no. 2, pp. 364–384. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2022-2-364-384

Особую значимость для описания русской и итальянской картин мира приобретают такие фрагменты, которые соотносятся с повседневной жизнью носителей языка. Культуре употребления алкоголя посвящено множество исследований, что подтверждает важность и интерес к этой части действительности [Gordon et al., 2012; Глушкова, 2009; Кондратенко, Рощина, 2021; Левонтина, Шмелев, 2005; Позднякова, Брюно, 2021].

Р. Гордон пишет о том, что в типологии культур употребления алкоголя одной из самой часто встречающихся классификаций является разделение на два типа: «мокрые» и «сухие». «Мокрые» культуры употребления алкоголя характеризуются частым употреблением алкоголя (но в небольших объемах). Ведущими напитками в «мокрых» культурах являются вино и пиво. В «сухих» культурах алкоголь употребляется реже, но количество

спиртного, выпиваемого за один раз, значительно больше. Распространено употребление крепких напитков: водки или виски. Италию традиционно относят к «мокрым» винным культурам, Россию – к «сухим» [Gordon et al., 2012].

Отличия национальных картин мира в последнее время часто привлекает внимание исследователей. Работы в этой области имеют не только теоретическое, но и практическое значение: этим обусловлены актуальность и новизна статьи.

Мы хотели бы показать, каким образом разница в культуре употребления алкоголя отражается в итальянской и русской языковой картине мира. Для этого мы сравниваем два семантических поля «употребление алкоголя» в русском и итальянском языке: «При сравнении достаточно широких семантических зон, образуемых целыми комплексами полей (т. е. фрагментов “картины мира”), и выявляются лакуны в одном языке по отношению к другому» [Караулов, 2016, с. 255].

Моделирование семантических полей «употребление алкоголя» в двух языках осуществлено на основе материалов Национального корпуса русского языка, текстов, размещенных на ресурсе ContexReverse (для итальянского языка), произведений современных итальянских авторов и различных лексикографических источников. Используются методы сплошной выборки, контекстуального анализа, корпусный, сопоставительный, дефиниционный анализ, компонентный анализ, метод моделирования.

Поля отличаются количественно и качественно, характеризуются большим диапазоном и разнообразием оценки: от негативно-сочувствующей до положительной.

В рамках СП «употребление алкоголя» мы выделяем 9 микрополей: «однократный прием алкоголя» (127 лексем в русском языке, 24 в итальянском, **выпить, бахнуть, alzare il gomito**, досл. *поднять локоть*), «регулярное употребление алкоголя в больших количествах» (29 и 7 соответственно, **пить, бухать, trincare**), «регулярное употребление алкоголя в небольших количествах» (2 и 0, **выпивать**), «сильное алкогольное опьянение» (176 и 64, **напиваться, ubriacarsi, напиваться**), «слабое алкогольное опьянение» (12 и 4), «потеря чего-либо в результате употребления алкоголя» (2 и 1, **пропить, bersi, пропить**), «похмелье» (12 и 4, **похмелье, postumi, похмельный синдром**), «употребление алкоголя в больших количествах на протяжении долгого времени» (14 и 0, **запой, dipsomania, dipsomania**), «разрушение физическое и психологическое в результате дли-

тельного употребления алкоголя» (18 и 7, **спиться, distruggersi dell'alcol, разрушить себя алкоголем**).

В этой статье мы хотели бы выявить универсальные и национально-специфические особенности СП в двух языках, отдельно остановившись на соотношении еда // алкоголь (различие культурного характера).

Поскольку полностью охарактеризовать СП в рамках одной статьи не представляется возможным, мы сосредоточимся на тех фрагментах русского и итальянского СП, которые передают основные расхождения в представлениях народов о выбранной нами части действительности.

Объектом настоящего исследования являются лексемы микрополей «спиться», «похмелье» и «запой» в русском и итальянском языках. **Предметом** – отличительные черты в семантике этих лексем и, соответственно, различия в русской и итальянской картинах мира.

Прежде чем перейти к анализу выбранного фрагмента, кратко остановимся на основных сходствах лексической системы «употребление алкоголя» в русском и итальянском языках.

Самыми многочисленными микрополями в обоих языках являются «однократный прием алкоголя» и «сильное алкогольное опьянение». В них наблюдается множество общих черт: у сходных глаголов развиваются метафорические значения 'выпить алкогольный напиток', например: «**осушить** бутылку» в русском, «**scolare una bottiglia**» [выпить каплю за каплей бутылку] в итальянском:

В несколько глотков они осушили бутылку и оставили ее под флагом (Василий Аксенов. Новый сладостный стиль. 1997);

Il problema... è che il testimone **si era già scolato** bottiglia di vino – Проблема была в том, что свидетель уже **осушил** бутылку вина (ContextReverse).

Описание человека, находящегося в состоянии сильного алкогольного опьянения, осуществляется похожим образом: «не стоять на ногах» в русском и «non reggersi in piedi» [не держаться на ногах] в итальянском:

Когда спонсор вовсе уже **не стоял на ногах**, ребята решили сделать доброе дело и помогли коммерсанту добраться до дверей квартиры («Криминальная хроника». 2003.06.10);

Altrimenti sarebbe così ubriaco da non poter **reggersi in piedi** – Иначе он бы напился настолько, что даже не смог бы стоять на ногах (ContextReverse).

Выражение «не стоять на ногах» в обоих языках включает в себя свернутую пропозицию «[выпил так много], что не стоит на ногах».

Сходство можно найти и в микрополе «слабое алкогольное опьянение», представленного не столь многочисленными лексемами. Ядерной лексемой в русском языке является «навеселе», а в итальянском – «alticcio»:

Она сразу же пустилась в пляс по палате, пристукивая только что наложенным гипсом. Не то чтобы пьяная, но явно **навеселе**. Плясала и пела (И. Грекова. Перелом. 1987);

Dopo la degustazione, ero **alticcio**, ma non fuori controllo – *С дегустации вина я ушел **немного пьяным**, но в сознании* (ContextReverse).

Итальянская лексема «alticcio» является дериватом слова «alto», ‘высокий’, суффикс *-iccio* имеет «уменьшительно-пренебрежительное» значение. Как и русское слово «навеселе», «alticcio» сообщает нам о приподнятом настроении выпивающего, излишней веселости, необычной с точки зрения трезвого человека.

Итальянское слово «allegro», таким же образом, что и русское слово «веселый», может употребляться для обозначения легкого алкогольного опьянения, например:

Sono uscito dal bar piuttosto **allegro** – *Я вышел из бара достаточно **веселым*** (ContextReverse);

В столовой брат был уже **веселый** и как бы обвеянный счастливым ветром <...> (Л. Ф. Зуров. Иван-да-марья // «Звезда». 2005).

Микрополе «потеря чего-либо в результате употребления алкоголя (пропить)» в русском и итальянском языках представлено немногочисленными лексемами и устроено сходным образом (в скобках дано количество вхождений лексем в НКРЯ):

Пропивать (593), **пропить** (1759) (ЛСВ 1). *перех.* Тратить, расходовать на выпивку, пьянство. (ЛСВ 2) утрачивать, терять от пьянства (пропить тенор). *перен.* Губить, портить, предаваясь пьянству (пропивать, пропить жизнь, молодость и т. п.) (БАС).

Bersi (ЛСВ 2) тратить из-за питья вина или ликеров: *те немногие деньги, которые он зарабатывает, он пропивает все; он раздобыл себе немного денег, и сразу пошел в остерию пропить их* (Джованни Верга) (Трессани).

Чаще в качестве «пропиваемого» объекта в контекстах встречаются деньги или конкретные предметы, которые можно обменять на деньги или алкоголь (об абстрактных ниже):

– Это вы вчера рамы с медпункта **пропили**? (Б. Екимов. Фетисыч // «Новый Мир». 1996);

Si è bevuto tutto lo stipendio – Он пропил всю зарплату (ContextReverse).

Итальянский глагол «bersi», как и русский глагол «пропивать», может иметь значение ‘утрачивать, терять от пьянства’ (Treccani):

Un'animale che si è bevuto pure l'anima – Животное, которое пропило даже душу (ContextReverse);

Вдруг, как и все, я совесть **пропил?!**» (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский. 2015).

И в русских, и в итальянских контекстах глагол содержит негативную рациональную оценку: действия человека, который пропивает зарплату или совесть, однозначно осуждаются.

При этом в русских контекстах актуализируется разница между запойным пьяницей (действия которого, как правило, осуждаются) и человеком, который пьёт, но не переходит некую незримую черту. Этой «чертой» нам кажется указание на то, что такие качества, как ум (15 вхождений), интеллект (1 вхождение), талант (2 вхождения) и мастерство (7 вхождений) не пропиты:

Пить-то пьёт, конечно, а ум не **пропивает!** (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей. 1978);

Конечно, писательское мастерство **не пропьешь** <...> (Р. Э. Арбитман. Баллада о Королевском Бутерброде // «Волга». 2009).

Выражения «талант // мастерство не пропьешь» обычно входят в состав «приятельской» похвалы.

Указание на то, что «пропиты» совесть или мозги, свидетельствует о том, что грань перейдена:

Ты, Терентий, свои **мозги** уже **насквозь пропил**, у тебя там вместо них сплошная жижа (Сергей Шикера. Стень (1998) // «Волга». 2009).

После краткого обзора сходств СП «употребление алкоголя» в русском и итальянском языке мы хотели бы перейти к характеристике тех фрагментов поля, которые являются предметом настоящего исследования.

Микрополе «разрушение физическое и психологическое в результате длительного употребления алкоголя» (спиться) в русском языке в основном представлено дериватами глагола «пить», в итальянском – устойчивыми выражениями (в скобках дано количество вхождений в НКРЯ):

Допиться (158), **допиваться** (33) (ЛСВ 2) неумеренным употреблением спиртных напитков доводить себя до болезненного состояния, разорения и т. п.; **испитой** (902) *разг.* Изнуренный, изможденный, исхудалый. О человеке; **испиться** (1) *сов. Разг.* То же, что спиться, пропиться; **впоить** (0), **впаивать** (12) В просторечии. Втягивать в пьянство, приучать к употреблению спиртных напитков; **впаиваться** (15), *страд.*; **спиваться** (300), **спиться** (863) приучаться к пьянству, становиться пьяницей; **спаивать** (357), **споить** (517) (ЛСВ 3) *Разг.* приучать к пьянству, делать пьяницей; **спаиваться** (32) *страд.* к спаивать.

Bere fino a distuggersi – пить до саморазрушения; **bere fino ad abbruttirsi** – пить, пока не сопьешься; **distuggersi con l'alcol** – разрушить себя алкоголем (Трессани); **diventare alcolizzato** – стать алкоголиком; **rovinarsi la salute con l'alcol** – разрушить здоровье алкоголем.

Микрополе «спиться» в русском языке характеризуется большей детализованностью, итальянское микрополе менее детализовано, в основном оно представлено выражениями, состоящими из глагола «bere» (пить) и лексем-уточнителей «distuggersi» (разрушать себя), «abbruttirsi» (опуститься, от «brutto» ‘некрасивый’, изначально ‘стать некрасивым’). Средства итальянского микрополя «спиться» содержат в себе сему «саморазрушение».

Io mi chiedevo sempre più spesso che piacere provassero gli uomini nel **bere, fino ad abbruttirsi**; era forse una reazione per dimenticare la vita pesante e sacrificata che facevano? – *Я все чаще задавал себе вопрос, какое удовольствие находили мужчины в питье, до того, чтобы спиваться, возможно, это был способ забыть тяжелую и полную жертв жизнь, которую они вели?* (R. C. Unison, Три чемодана Елены. 2021).

Структура итальянских выражений «bere fino ad abbruttirsi», «distuggersi con l'alcol»: досл. «пить до саморазрушения», «разрушать себя при помощи алкоголя», указывает на то, что субъект намеренно выполняет действие, т. е. включает компонент «ответственность». Этот компонент может быть актуализирован окружающим контекстом:

Nel maggio del 1993 O'Brien, **che da tempo faceva il possibile per distuggersi con l'alcol**, firmò con Mike Figgis il contratto <...> – *В мае 1993 О'Брайен, который уже давно делал все возможное, чтобы спиться, подписал с Майком Фиггисом контракт <...>* (Ирене Биньярди, Закат американской империи, 50 режиссеров и 101 фильм, 1996).

Русские глаголы «спиться» и «допиться», на наш взгляд, не содержат семы «ответственность». Часто в контекстах появляется модальность «неизбежности», окончательности (последствия действия необратимы), «неконтролируемость» состояния [Храковский, 2012]:

Потом, правда, **спился** и погиб, такая **судьба** у него, российская... (И. Н. Вирабов. Андрей Вознесенский, 2015).

Во многих контекстах актуализируются семантические компоненты «обыденность» и «характерно для многих», указывающие на распространенность явления:

Обычная семья: отец **спился**, мать в детском садике за копейки вкалывает (Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов». 2013);

В то же время четырнадцать человек кончили самоубийством, **спился целый квартал**, и сошла с ума добрая половина (А. С. Грин. Ива. 1923);

Как она тут воцарилась, у нас все мужики **спились** или поумирали, или просто уехали (Коллективный. Я и лошадь, я и бык // «Русский репортер». 2013).

Указание на то, что человек «спился», как мы видим в контекстах выше, часто обозначает финал жизненного пути (или близость этого финала). В русских контекстах можно найти указание на конкретное время, за которое спивается человек, и даже «удивление» по поводу того, как быстро разворачивается это действие:

В троллейбусе ездил с телекамерой взгляда, потом стал президентом и **спился за год** с Руцким на пару (Форум: От боярина Стрешнева до единосросса Собянина. 2013);

Неправдоподобно быстро спился мальчик-актёр <...> (Людмила Улицкая. Пиковая дама. 1995–2000).

Обстоятельство времени «неправдоподобно быстро» указывает на то, что в национальном сознании присутствует мысль о постепенности этого действия, о некой «ступенчатости», медленности, как будто есть некий «нормальный» промежуток времени, спиваясь в течение которого, человек не вызывает удивления окружающих.

Хотелось бы отметить наличие в русском языке лексемы «испитый» (которую мы относим к этому же полю):

Детская, но уже **испитая** мордашка становилась пепельной, серой, покрывалась потом (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга». 2016).

Данная лексема не имеет аналогов в итальянском языке. Уникальность ее, на наш взгляд, состоит в сложном наборе смысловых компонентов, ср.: «обезображенный длительным систематическим употреблением алкоголя» (т. е. принадлежащий спивающемуся человеку).

Наиболее показательно демонстрируют качественные отличия в русском и итальянском языках микрополя «похмелье» и «запой». Подсистема «похмелье» в русском языке качественно отличается от соответствующей лексической парадигмы «похмельный синдром» в итальянском языке. Приведем список лексем (в скобках дано количество вхождений в НКРЯ):

Абстиненция (58), **абстинентный синдром** (14), **бодун** (118), **опохмел** (47), **опохмелка** (99), **похмелье** (1692), **с похмелья** (639), **похмеляться** (72), **опохмеляться** (177), **похмелиться** (117), **опохмелиться** (440), **подлечиться** (161), **поправиться** (4721), **поправка** (7422).

В итальянском языке к микрополю «похмельный синдром» мы относим следующие лексемы (в скобках дано количество вхождений в ContextReverse):

Postumi (268, похмельный синдром), **hangover** (6, похмельный синдром), **doposbornia** (21, похмельный синдром), **doposbronza** (15, похмельный синдром), **digerire la sbornia** (преодолеть похмелье), **placare l'astinenza** (прервать абстинентный синдром), **smaltire la sbornia** (46, преодолеть похмелье).

Слово «похмелье», которое мы считаем ядерной лексемой одноименного микрополя, в русском языке имеет два значения: собственно похмелье (утреннее плохое самочувствие после выпитого накануне) и абстинентный синдром. В этом проявляется значительное отличие от лексем, которые используются для обозначения данного явления в итальянском языке, они не могут иметь значение «абстинентный синдром». Обычно в итальянском языке для обозначения состояния похмелья используются слова «postumi», заимствование из английского «hangover», или лексемы «doposbornia», «doposbronza». Слово «postumi» само по себе имеет значение ‘последствие’, в ContextReverse его значение часто «уточняется»: postumi della // di sbornia, postumi della // di sbronza (последствия пьянки // пьянства). Интересно, что все эти лексемы (включая англицизм) имеют общую сему «последствие», «остаток»: «doposbornia» и «doposbronza» буквально «пост-пьянка»:

Parla a bassa voce, questo **doposbronza** mi sta uccidendo – *Говори тише, похмелье меня убивает* (ContextReverse).

Выражения **smaltire // digerire la sbornia** (прервать // преодолеть похмелье) могут иметь значение не только ‘преодолеть похмелье’, но и просто ‘протрезветь’.

Meglio portare l'ubriacona a casa, o dovunque possa **smaltire la sbornia** – *Лучше отвезти пьянчужку домой или куда-нибудь, где она могла бы протрезветь* (ContextReverse).

Можно предположить, что в итальянском языке состояния опьянения и похмелья в некоторых контекстах могут быть менее дифференцированы, объединяясь в общем значении ‘последствие выпитого’. В итальянских контекстах нам не встретилось упоминание о способах борьбы с «похмельем», судя по всему, «преодоление» этого состояния заключается для носителей итальянской культуры в том, чтобы его просто пережить.

В итальянском языке нет аналога лексеме **похмеляться // опохмелиться** (когнитивная лакуна) в связи с малой распространенностью этого явления. Непереводимость этого глагола и необычность реалии отмечалась в итальянской литературе. Стефано Алоэ в статье «Владимир Высоцкий и советский быт в эпоху застоя», комментируя перевод строки «Я рупь заначил – слышь, Сергей, – опохмелимся» из произведения «Милицейский протокол», пишет: «...не менее важно знать о средстве, которое кажется парадоксальным: чтобы прийти в себя утром после большого количества выпитого – бутылка пива!» [Алоэ, 2013, р. 231].

К периферии микрополя «похмелье» в русском языке мы относим лексемы «поправиться», «подлечиться» и «поправка», которые могут использоваться в значении ‘опохмелиться’ и ‘опохмел’:

– Не помню, – мрачно сказал Гоша, **болея с похмелья**. Кумилкин понял его состояние и тут же сгонял за **поправкой**. **Подлечившись** <...> (Алексей Слаповский. Синдром Феникса // «Знамя». 2006).

В таких контекстах похмелье представляется своего рода болезнью, лекарством от которой является алкоголь.

Объединение двух ЛСВ («абстинентный синдром» и «плохое самочувствие») в составе лексического значения слова «похмелье», говорит о том, что необходимость разделять два этих понятия часто отсутствует (похмелье, которое испытывает алкоголик, неотделимо от абстинентного синдрома). Это приводит к тому, что постепенно эти состояния перестают

разделяться носителями языка, состояние «абстинентного синдрома» может стать таким же обыденным, как «похмелье», действие «опохмела» не воспринимается как что-то неприемлемое:

– Ничего мы эфтова не знаем, – отвечал писарь, – кроме как ежели вот **дерябнешь с похмелья** стаканчика три-четыре, так оно словно повеселее на животе сделается (А. И. Левитов. Расправа. 1862).

Всё же во многих контекстах действие «опохмела» осуждается:

Виски был уже третий, и парень пил пиво, как **похмеляющийся шофера**, – втягивал мгновенно и тут же щелкал по пустой емкости, чтобы разливала ее наполнил (Александр Кабаков. Сочинитель. 1990–1991).

Негативная оценка передается с помощью суффикса *-юг-* и глагола «втягивать», который указывает на чрезмерную «скорость» совершаемого действия.

Выражение «с похмелья» встречается в корпусе 662 раза. Всего слово «похмелье» встречается в корпусе 1 692 раза. Такое соотношение, на наш взгляд, говорит о важности этой ситуации в жизни носителей русского языка. Во многих контекстах формула «с похмелья» поясняет странное или неадекватное поведение человека (кажется, что «с похмелья» можно объяснить всё, что угодно):

Первый рассказ, написанный то ли во время отгула, то ли во время командировки, то ли в дождь, то ли в ведро, от скуки или **с похмелья**, а может быть, из-за влюблённости в кондукторшу Надю, этот рассказ вверх меня в неистовство (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора. 1963);

– Был у нас случай в Перми, как один мой дружок **с похмелья** глаз выпил (Сергей Довлатов. Солдаты на Невском. 1965).

Похмелье становится специфическим состоянием, которое служит основой для создания множества анекдотов:

Когда у тебя похмелье, все проблемы отходят на второй план. Похмелье – лучший способ решения всех проблем! (Лучшие анекдоты про похмелье).

В русском языке контексты, в которых описывается похмелье, обычно не содержат негативную оценку. Судя по всему, это состояние пробуждает скорее сочувствие, чем осуждение:

Сейчас, правда, неохота, да и Петька такой милый **с похмелья**, сонный, ворчливый (Екатерина Завершнева. Высотка. 2012);

Просто я был **с похмелья** – был ранимый (Е. И. Алехин. В голове багжиста // «Волга». 2009).

В этих контекстах появляется компонент «уязвимость», «похмельный» человек воспринимается окружающими как находящийся в уязвимом состоянии (как будто он чем-то болен).

В итальянском языке понятия «похмелье» и «похмельный синдром» четко разводятся, причем **astinenza** (абстинентный синдром) принадлежит к медицинскому дискурсу и не является лексикой, которая используется в повседневной жизни. Частотность же вхождения лексем микрополя «похмелье» в НКРЯ свидетельствует об обыденности этой лексики. На наш взгляд, в итальянском языке **astinenza** и **sindrome di astinenza** относятся скорее к семантическому полю «болезнь».

Potremmo avere a che fare con un alcolista in fase di **astinenza** – *Мы имеем дело с алкоголиком, находящимся в фазе абстинентного синдрома* (ContextReverse).

Следующее микрополе, которое нам хотелось бы рассмотреть, – это «употребление алкоголя непрерывно на протяжении долгого времени». Приведем список лексем и их определения (в скобках дано количество вхождений в НКРЯ):

Забухать (80) начинать пьянствовать; **Запой** (1732); **Запить** (1325), **запивать** (1151) (ЛСВ 2) *разг.* Начинать пить запоем, начинать пьянствовать. **Запить запоем** (12), **запить горькую** (37), **запить мертвую** (5); **Запиваться** (17) (ЛСВ 2) Предаваться пьянству; опиваться (3); **Зашибать** (73) пить запоем; **Зашибаться** (29) водкой, хмельным и т. п., пить запоем; **Распиваться** (19, про чай – только 2), **распиться** (0) 1. *Сов. разг.* Начать безудержно пьянствовать. 2. Страд. к распивать; **Пить запоем** (78), **пить горькую (чашу)** (70), **пить мертвую (чашу)** (37), **мертвецки пить** (3).

В контекстах НКРЯ указывается на такие характеристики запоя, как «продолжительность», «наличие или отсутствие компании», «количество выпитого», «начало запоя», «выход из состояния запоя» и «степень тяжести».

Указание на наличие компании встречается не так часто (или компаньоны не так важны):

Отвоевав и соскучившись работой в мирной милиции, муж **запил вместе со всеми**, любая работа казалась ему убытком (Александр Иличевский. Облако // «Октябрь». 2008).

Продолжительность запоя:

Дядя Миша за это время один раз **запил** на пять дней, но был тих, как голубь (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы. 1980–2006).

Указание на начало вхождения в запой обычно дается в связи с выяснением его причин. Если причина серьезная (по мнению автора высказывания), ситуация не содержит негативной оценки:

А попробуй найди задвижки, если схем нет, ничего нет, а там тоннели, тупики, сотни, тысячи утонувших. Начальник водолазного отряда Колобов, который там работал, всю войну прошёл. Не пил, говорят, никогда. А после этого метро **запил** по-черному (Екатерина Боярина. Подъем! // «Столица». 1997.01.06).

Запой характеризуется как состояние, в котором легко оказаться, но из которого сложно выйти:

– И чего же он начал пить? – У него была невеста. Он ушел в армию служить, вернулся, а она уже замужем. Он **запил** – так, слегка, а остановиться уже не мог (Родион Вереск. Альбом // «Бельские просторы». 2013).

Некоторые контексты описывают период запоя как период болезни:

Режиссер производил впечатление человека, изнуренного **многодневным запоем**. (Что с готовностью и подтвердил.) Вид его говорил о тяжком финансовом бессилии (Сергей Довлатов. Ремесло. 1985).

Запой – это период, во время которого у человека нет физических и моральных сил ни для чего, кроме употребления алкоголя (который в этот период воспринимается запившим человеком как единственное лекарство). Сема «бессилие» в этом контексте усиливается словами «изнуренный» и «тяжкий».

На наш взгляд, сема «бессилие» сближает микрополе «запой» с семантическим полем «болезнь». Т. А. Марьяничева и Л. О. Чернейко, исследуя творчество С. Д. Довлатова, уже отмечали связь семантического поля «пьянство» с семантическим полем «болезнь»: «Во многих контекстах, содержащих лексику семантической сферы ‘АЛКОГОЛЬ’, использован медицинский код (“лекикод”, по У. Эко): короста многодневного похмелья» [Марьяничева, Чернейко, 2013, с. 125]. Исследователи считают, что в произведениях С. Д. Довлатова «пьянство расценивается как болезнь, но при этом спиртное выступает как лекарство от жизни, из чего следует, что сама жизнь – болезнь» [Там же].

В ряде контекстов НКРЯ запой представляется единственным выходом из сложившихся обстоятельств, чем-то, на что вынужден пойти человек, как будто даже против своей воли:

Если бы в огромном, щелистом деревянном ларе не дымились помои, и неглубокий исторический оптимизм сменился у него искренним сочувствием дворнику. **Вторую неделю** пьёт, бедняга. **Запьюсь**. Ни от кого никакой благодарности (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны, 1988–1989).

В таких контекстах запой кажется не только социально приемлемым действием, но и явлением, которое должно вызывать у общества сочувствие, а не осуждение («бедняга»). Это удивительно, потому что запой напрямую связан с «опохмелом», а это действие обычно осуждается: «не тот пьяница, кто пьёт, а тот, кто похмеляется».

В итальянском языке слово «запой» можно найти только в медицинской терминологии.

Dipsomania – в медицине патологическая тяга поглощать большое количество напитков, особенно алкогольных, которая проявляется в периодических приступах, отделенных интервалами стабильного состояния, в которых имеет место даже отвращение к алкоголю. **Soffrire di dipsomania** (med) ‘страдать дипсоманией’ (Treccani).

Dipsomane – больной дипсоманией *avevamo, come i d., due vite alterne: una tranquilla... l'altra agitata* (у нас были, как у дипсоманов, две разные жизни: одна спокойная и другая тревожная) (D'Annunzio) (Treccani).

Можно говорить о фактическом отсутствии в итальянском языке микрополя «запой», потому что специальных лексем, описывающих это явление, не существует. Термин «дипсомания» более широкий и обозначает скорее «запойный алкоголизм».

Обращает на себя внимание тот факт, что в микрополе «запой» появляются устойчивые словосочетания со словом «мёртвый»: «мёртвый запой», «пить (запить) мёртвую», «пить мёртвой чашей (мёртвую чашу)», «мертвецки пить».

К этому же микрополю мы относим словосочетания «пить горькую» (в значении ‘пить водку’), «горький пьяница» – человек, пьющий запоем, неустойчивый пьяница (БАС).

По данным словаря О. Н. Трубачева, слова «горе» и «горький» (оба слова являются производными от более древней основы на *-i-* глагола «gogēti») этимологически связаны (ЭССЯ, 1980, с. 56). Словосочетание «горький пьяница» порождает ассоциации с «горькой судьбой (долей)»

и со словом «горе», сочетание «пьяница с горя», «пьяница, заливающий горе» и подобные встречаются в корпусе 7 раз:

Таких людей, использующих транквилизаторы с тем, чтобы избавиться от неприятных переживаний, можно сравнить лишь с **пьяницами**, выпивающими «с горя» (И. Кисин. Избавляющие от страха // «Химия и жизнь». 1968).

На запрос «горький пьяница» корпус выдает 159 вхождений. В РАС на стимул «пьяница» из 104 реакций первые три по частотности реакции: «бутылка» (13), алкаш (10), горький (10, это примерно 10 %). На запрос «горький» из 642 реакций находим «водка» (3) и «пьяница» (2). Количество примеров в НКРЯ и количество реакций в РАС говорит о том, что связь этих лексем жива в сознании носителей языка.

В итальянском языке сходным нам представляется выражение «bersi sopra un guaio», дословно «запить сверху горе» (горе можно «запить», как *горькое* лекарство).

Если русское микрополе располагает синонимами глагола «запить» различного регистра, в итальянском языке собственно глагол «запить» отсутствует, а термин **dipsomania**, как уже было сказано, принадлежит к медицинскому дискурсу, является диагнозом и обозначает скорее «запойный алкоголизм», чем собственно «запой». Учитывая количество лексем, принадлежащих к микрополю «запой» в русском языке, можно сделать вывод, что запой – это важный элемент в русской картине мира. В итальянском языке, напротив, это явление практически не представлено.

Отдельно нам хотелось бы остановиться на тех отличиях в отношении к алкоголю и еде, которые проявились при анализе семантического поля «пьянство».

В качестве отличительной особенности итальянского семантического поля можно отметить наличие нескольких итальянских глаголов, которые обозначают «пробовать», «наслаждаться вкусом» и могут в качестве прямого дополнения иметь название алкогольных напитков:

Assaporare (наслаждаться едой или напитком, держа его во рту, чтобы дольше чувствовать ее вкус и сделать ощущение приятнее), **delibare** (пробовать что-то изысканно вкусное), синонимы **degustare**, **gustare**, **assaggiare**:

Assaporate il buon vino e il cibo fatto in casa, seduti sulle panche di legno sotto il pergolato oppure vicino al caminetto, godetevi tutta la tranquillità dell'Istria e la gioia di vivere della sua gente – *Насладитесь вкусом хорошего*

вина и еды, приготовленной дома, сидя на деревянной скамейке под тенью плюща или у камина, ощутите всё спокойствие Истрии и радость бытия ее жителей.

Особыми для итальянского языка, в сравнении с русским, нам представляются глаголы, которые обозначают ‘сопровождать напитком (обычно спиртным) блюдо’: **innaffiare** (una pietanza, блюдо), **pasteggiare** (синоним). Сюда же можно отнести глагол «**abbinare**» (который имеет более общее значение ‘соединять два элемента’):

*Nella loro cantina hanno più di 800 bottiglie di vino, così da poter **abbinare** ogni piatto con il vino adatto – В их погребах хранится более 800 (восьмисот) бутылок вина, чтобы к каждому блюду можно было «**подобрать**» подходящее вино.*

Управление глагола: «**abbinare qualcosa con qualcos'altro**» (сочетать что-то с чем-то) «подсказывает» нам, что первый элемент соединения оказывается главнее и важнее, второй элемент подбирается к нему. Иначе говоря, мы подбираем вино к блюду, а не наоборот, в центре здесь находится еда, а не алкоголь.

Противоположная ситуация наблюдается в русском языке: лексема **закусывать** (в значении ‘заедать чем-либо крепкий алкогольный напиток’) представляет иную ситуацию, когда в центр ставится алкогольный напиток, а еда играет второстепенную роль.

И. Б. Левонтина и А. Д. Шмелев уже отмечали особенность лексем «закуска», «закусывать», «закусить»: «Наиболее частотным и наиболее лингвоспецифичным является то значение слова *закуска*, как, впрочем, и глагола *закусить* (*закусывать*), в котором они указывают на действие, сопровождающее питье водки, самогона и т. п. *Закуска* указывает также на само блюдо, которым закусывают»; «Интересно, что *закусывают* чаще всего не просто алкогольные, а именно крепкие напитки, причем чаще всего водку, самогон или спирт. Дело здесь не только в том, что легкие вина не требуют немедленного “закусывания”, но и в том, что представление о трапезе с вином включает идею отдельной, самостоятельной ценности и еды, и питья» [Левонтина, Шмелев, 2005, с. 265–266].

На наш взгляд, особенность ситуации закусывания состоит в том, что она включает две пропозиции: персонаж пьет [что-то], и персонаж ест [что-то]. Субъекты пропозиций совпадают, отличаются объекты. В итальянском языке нет лексем, значение которых совпадало бы со значением русских слов «закусить» и «закуска».

Глагол «закусить» встречается в корпусе 4 716 раз («закусывать» 2 463, «закуска» 5 385, «закусон» 19). В некоторых контекстах указывается, что именно пьется, но не сказано, чем закусывается:

Спознались, пришлось друг другу по сердцу. Отчего, почему? А чёрт знает почему, да ведь лучше беспричинного дружества не дано человекам. Ну-с, и водки выпили, и **закусили**, теперь вино пили и курили (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны. 1988–1989).

Этот факт указывает на незначительность еды, на ее второстепенную роль, что подтверждается и самой синтаксической конструкцией «закусить что-то чем-то» (у слова, стоящего в творительном падеже, явно второстепенная роль).

В качестве последнего аргумента «неважности» роли еды в процессе выпивки можно привести существование глагола «занюхать»:

– Что смотришь, давай выпьем, чтоб вас совсем отменили к едреней фе-не, и люди чтоб снова могли быть людьми! **Выпили. Занюхали** хлебом (Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013).

При этом занюхивать можно не обязательно едой:

Холодный алкоголь без трения провалился сквозь горло в желудок и только там расцвёл жарким чумным цветком. Глеб **занюхал** рукавом (Алексей Иванов. Комьюнити, 2012).

Нам кажется, что в этих лексических значениях репрезентируются существенные составляющие русской и итальянской картин мира: в русских текстах часто при описании приема пищи в центре находится алкоголь, а в итальянских – еда, сопровождаемая алкоголем (как правило, вином). Такое явление итальянской культуры, как аперитив, можно было бы считать обратным доказательством, если бы не его предназначение: «алкогольный напиток, который повышает аппетит и / или способствует улучшению пищеварения» (Трессани).

Выводы

Семантические поля «пьянство» в русском и итальянском языке имеют ряд сходств и отличий. Похожим образом описывается человек, находящийся в состоянии слабого и сильного алкогольного опьянения (навеселе, не держаться на ногах), лексические парадигмы «потеря чего-либо в результате употребления алкоголя» практически совпадают.

Многие фрагменты поля сильно отличаются количественно (например, в русском языке в микрополе «однократный прием алкоголя» содержится 127 единиц, а в соответствующем итальянском – 24 единицы).

Лексемы микрополя «спиться» в русском языке при анализе контекстов оказываются связаны с такими семантическими компонентами, как «судьба», «обыденность», «характерно для многих». В итальянских контекстах такого явления мы не обнаруживаем, зато находим контексты, в которых актуализуется сема «ответственность».

Микрополя «похмелье» в русском языке и «похмельный синдром» в итальянском языке существенно отличаются, демонстрируя значительное несовпадение этой части картины мира (отсутствие в итальянском языке глагола «опохмелиться» и несовпадение набора ЛСВ у слова «похмелье» и итальянских аналогов), то же самое можно сказать о микрополе «употребление алкоголя в больших количествах на протяжении длительного времени» (запой), которое практически отсутствует в итальянском языке.

Наличие глаголов **pasteggiare** (сопровождать блюдо напитком) и **закусывать** (сопровождать напиток блюдом) свидетельствует о ярком отличии национальных картин мира.

Список литературы

Глушкова Т. С. Репрезентация культурно значимого фрейма «выпивка» в русской языковой картине мира // Филология и человек. 2009. № 2. С. 156–161.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М.: Либроком, 2016. 360 с.

Кондратенко В. А., Рощина Я. М. Можем ли мы объяснить различия в моделях потребления алкоголя: обзор теоретических подходов // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 3. С. 129–157. DOI 10.17323/1726-3247-2021-3-129-157

Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке) // Ключевые идеи русской языковой картины мира. М.: Языки славянской культуры. 2005. С. 259–270.

Маряничева Т. А., Чернейко Л. О. Функции «алкогольной» лексики в текстах Сергея Довлатова // Вестник Удмурт. ун-та. 2013. № 4. С. 122–127.

Позднякова М. Е., Брюно В. В. Особенности употребления алкоголя женщинами-горожанками с различным социально-профессиональным ста-

тусом // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 3. С. 148–166.

Храковский В. С. Вербоцентрический подход к конструкциям и / или грамматика конструкций // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 288–300.

Aloe S. Vladimir Vysockij e il byt sovietico negli anni della stagnazione // Umorismo e satira nella letteratura russa. Testi, traduzioni, commenti. Trento, 2013. P. 226–235.

Gordon R., Heim D., MacAskill S. Rethinking drinking cultures: A review of drinking cultures and a reconstructed dimensional approach // Public Health. 2012. No. 126 (1). P. 3–11. DOI 10.1016/j.puhe.2011.09.014

Список источников и словарей

БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. 2003–2022. URL: ruscorpora.ru (дата обращения 19.04.2022).

СРЯз – Словарь русского языка С. И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 19.06.2020).

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1980. Вып. 7.

ContexteReverse. URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/> (дата обращения 18.04.2022).

Treccani – Vocabolario. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения 18.03.2022).

References

Aloe S. Vladimir Vysockij e il byt sovietico negli anni della stagnazione. In: Umorismo e satira nella letteratura russa. Testi, traduzioni, commenti. Trento, 2013, pp. 226–235.

Glushkova T. S. Reprezentatsiya kul'turno znachimogo freyma “vypivka” v russkoy yazykovoy kartine mira [Representation of the culturally significant frame “the drink” in the Russian language picture of the world]. *Philology and People*, 2009, no. 2, pp. 156–161. (in Russ.)

Gordon R., Heim D., MacAskill S. Rethinking drinking cultures: A review of drinking cultures and a reconstructed dimensional approach. *Public health*, 2012, no. 126 (1), pp. 3–11. DOI 10.1016/j.puhe.2011.09.014

Karaulov Yu. N. Obshchaya i russkaya ideografiya [General and Russian ideography]. Moscow, Librokom Publ., 2016, 360 p. (in Russ.)

Khrakovskiy V. S. Verbotricheskiy podkhod k konstruktsiyam i / ili grammatika konstruktsiy [Approach to Constructions and / or Grammar of Constructions]. In: Meanings, Texts and Other Exciting Plots. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2012, pp. 288–300. (in Russ.)

Kondratenko V. A., Roshchina Ya. M. Mozhem li my ob"yasnit' razlichiya v modelyakh potrebleniya alkogolya: obzor teoreticheskikh podkhodov [Can we explain differences in patterns of alcohol consumption: a review of theoretical approaches]. *Economic sociology*, 2021, vol. 22, no. 3, pp. 129–157. (in Russ.) DOI 10.17323/1726-3247-2021-3-129-157

Levontina I. B., Shmelev A. D. Khorosho sidim! (Leksika nachala i kotsa trapezy v russkom yazyke) [We sit well! (Vocabulary of the beginning and end of the meal in Russian)]. In: Key ideas of the Russian language picture of the world. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2005, pp. 259–270. (in Russ.)

Maryanicheva T. A., Cherneyko L. O. Funktsii “alkogol'noy” leksiki v tekstakh Sergeya Dovlatova [Functions of “alcoholic” vocabulary in the texts of Sergei Dovlatov]. *Bulletin of the Udmurt University*, 2013, no. 4, pp. 122–127. (in Russ.)

Pozdnyakova M. E., Bryuno V. V. Osobennosti upotrebleniya alkogolya zhenshchinami-gorzhankami s razlichnym sotsial'no-professional'nym statusom [Peculiarities of alcohol consumption by urban women with different socio-professional status]. *Sociological science and social practice*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 148–166. (in Russ.)

List of Sources and Dictionaries

ContexteReverse. URL: <https://context.reverso.net/%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4/> (accessed 18.04.2022).

Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. 2003–2022. URL: ruscorpora.ru (accessed 19.04.2022).

Slovar' russkogo yazyka S. I. Ozhegova [Dictionary of the Russian language by S. I. Ozhegov]. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (accessed 19.06.2020).

Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of the modern Russian literary language]. M., Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSP, 1950-1965. Vol. 1-17.

Trubachev O. N. (ed.). Etimologicheskij slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskiy leksicheskiy fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexical fund]. M., NAUKA. 1980. Iss. 7. P. 56.

Vocabolario. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (accessed 18.03.2022).

Информация об авторе

Мария Антоновна Савина, ассистент кафедры теории языка и межкультур-
ной коммуникации

Information about the Author

Maria A. Savina, Assistant of the Department of Theory of Language and Inter-
cultural Communication

*Статья поступила в редакцию 10.02.2022;
одобрена после рецензирования 12.03.2022; принята к публикации 15.03.2022
The article was submitted 10.02.2022;
approved after reviewing 12.03.2022; accepted for publication 15.03.2022*